

20 ноября 1982 г.

МЕРИДИАНЫ ДРУЖБЫ

2207

И снова Армения

В новой подборке стихов Кайсына Кулиева, опубликованной «Литературной газетой» в августе нынешнего года, есть большое стихотворение, опять посвященное Комитасу. Опять — потому что балкарский поэт посвятил памяти Комитаса большую поэму, опубликованную впервые несколько лет назад журналом «Энамя», а затем вошедшую в книгу стихов Кайсына Кулиева.

Не впервые обращается поэт из Балкарии к армянской теме. И я бы сказала даже, что эта тема последовательно обнаруживает себя в его творчестве, не уходя из его дум. Кроме поэм «Анант» и «Комитас», это цикл «Из стихов об Армении», это проникновенные и мудрые эссе о Мартиросе Сарьянне и Наапете Кучаке, это блестящее слово о стихах Сильвы Калуптикан, ставшее потом предисловием к ее стихам в «Библиотечке избранной лирики». А в одном из своих интервью Кайсын Кулиев так отозвался о всей армянской культуре: «А разве не был бы я бедней без большой армянской поэзии — без мощных раздумий Нарекаци и пронзительных стихов Кучака, без Аветика Исаакяна, в лирике которого величие простоты колыбельной песни и глубина народного эпоса?» Эти слова он подытожил в одном из своих эссе: «Исаакян был из тех поэтов, которые спасали меня в тяжелые дни моей жизни. Я многим обязан армянской культуре, древней и мудрой, как сама земля, прошедшей через все испытания, уцелевшей под всеми бурями».

И вот новое стихотворение Кайсына Кулиева о Комитасе, опубликованное «Литературной газетой». Называется оно «Возвращение». Гуманист и скиталец, многие годы тосковавший по огню родного очага, человек, чью тягу служить отчей земле не могли сломить никакие расстояния, никакие испытания — эта тема очень близка Кайсыну Кулиеву, она никогда не исчезает из его стихов навсегда.

Необозримый мир запомнил
это имя,
А композитор был на той
земле рожден,
Что в синеву взошла
нагорьями седыми,
Он жил от них вдали, в

разлуке умер он.
 Но музыку его сиянье
 озаряло
 Высокой и крутой
 отеческой земли...
 В ней проливался дождь
 на лозы и на скалы,
 Пастушьего костра в ней
 языки цветли.
 Расцветший абрикос,
 и влажный шелест луга,
 И волчий вой в ночи, и
 ровный топот стад,
 И белизна вершин, глядящих
 друг на друга,
 Как смотрят сквозь туман
 Эльбрус и Аарат;
 И женская рука, срезающая
 гроздья,
 И мальчик, что, смеясь,
 подносит гроздь ко рту,
 И путника боязнь в
 безмолвии предгрозья,
 И в молнийном огне
 брешшина в цвету;
 Дороги древних гор, дороги,
 по которым
 И иниций, и пророк прошли
 в какой-то миг,
 И лиственная тень
 причудливым узором
 Заставшая холмы, и
 материнский лик,
 И зелень муравьи, и злой
 багрец кизила,
 Раздумья мудрецов,
 глядящих на закат,
 И пляска молодых — все
 музыкой пронзило,
 Все в музыку вошло и
 выросло стократ.
 Великий музыкант, он
 помнил эти кряжи,
 Хоть жил вдали от них и
 умирал вдали.
 Все ближе высота, все
 круче путь... Когда же
 Он понял: смерть пришла,
 не позабыл земли!
 Он умер вдалеке, но
 пожелал он все же
 Лежать в родной земле,
 восстановить родство
 С отеческой землей,
 таинственно похожей
 на сияющую мать и
 музыку его.

Право, не знаю, как и благодарить большого поэта из Балкарии за эту его щедрую любовь к нашей земле. Мне очень хочется, чтобы кто-нибудь из армянских поэтов сказал такое же проникновенное слово о горной стране Кайсына Кулиева — маленькой горной Балкарии. Я верю: эти не рожденные пока еще слова непременно родятся, и тогда мы вложим в щедрые руки поэта подарок, достойный его любви и его поэзии.

Н. СААКЯН.